

Орловский бог

Или бог-орел... Поскольку оба определения рассматриваем как версии, то возможны и тот, и другой варианты. Но вначале светлое, в некотором роде театрализованное представление, увиденное мною в черной ночи моего воображения....

К распахнутой гигантской четырехстраничной газете, накрывшей собою значительный участок (неподалеку от дворца Меншикова) береговой ораниенбаумской земли, величиною с футбольное поле, подошло несколько десятков молодых и сильных парней, которые отработанными движениями, сгибая в нужных местах лист, дружно и довольно быстро превратили его в... египетскую пирамиду? Нет, это первое впечатление оказалось обманчивым, морской голубоватый фон явно не подходил для усыпальницы с пересохшей мумией фараона, поскольку куда естественнее в этом плане смотрелась бы золотопесочная пустыня. Очень быстро, как в каком-то рисованном фильме, где под стрекот киноаппарата порой происходят беспроблемные ускорения, якобы тяжеловесная пирамида превратилась в стометровый бумажный корабль, который под испуганный взор скульптурного сфинкса — «отца ужаса» парни-атлеты отнесли на своих загорелых плечах к близким водам Балтики и пустили в плавание. Вскоре на мостик поднялся командир капитан первого ранга Борис Орлов, что было закономерно, ведь судно сделали из «Морской газеты» экспериментального гигантского формата.

Тут же, почти как игиловцы, объявились вездесущие враги, и началась или даже продолжилась журналистская и писательская война против этого газетного судна и конкретного капитана. Многие его оскорбительно называли ненастоящим, бумажным, офсетным. А некий бородатый бард с немтыми волосами саркастически запел женским голосом: «Я шагнула на корабль, а кораблик оказался из газеты вчерашней», предвещая скорое крушение и потопление как судна, так и его командира. Если из газеты желтой, буржуазной, то да — потонет, а если из воинской «Морской газеты»? Нет, корабль из такой газеты и ее капитан так просто на дно не пойдут, хотя шансов уцелеть немного. Стоит сбросить с неба даже не бомбу, а спичку — огненную птичку, и корабль вспыхнет. Если с берега начнут кидать камни, то могут продырявить борт, судно наглодается воды, и не избежать беды. Да и от первого дождя корпус намокнет, и только сердце ёкнет.

Но на такой по-настоящему драматический и катастрофический случай на запасном подводном пути имеется не ржавый бронепоезд (допустим, около форта Красная горка), а

подводная лодка и основная военная специальность Бориса — подводник. Под водой уже никакая спичка, ни лейка, ни шланг не страшны. Тем более подлодка по мощи своего вооружения и маневренности превосходит многие классы боевых кораблей.

Видение однако продолжалось: картинки замелькали, как в рисованном кино, как в мультике «Желтая субмарина», повествующем о музыкальном подводном путешествии легендарной поп-групп «Битлз». Орлов и битлы? Понятия несовместные, как гений и злодейство? Какая ерунда. Какое примитивное мышление. Да Борис Александрович широк как никто.

Как Мао, провозгласивший лозунг «Пусть цветут сто цветов!».

Назовите мне хотя бы одного члена СП, которому председатель Орлов отказал в организации поэтического семинара или студии и не способствовал в дальнейшем проведении мероприятий? Помнится, что даже некому захожему язычнику разрешил прочитать цикл лекций. Может, он в этом плане ущемил права Ахматова, Краснова, Меньшикова? Нет. Может, он запретил или забанил публичные выступления своенравного и эпатажного Мурикова? Отнюдь, тот тоже вел свои занятия с одобрения Орлова. А если Борис Александрович в чем-то и ограничил, пресек его выходящую порой за края инициативу, так по делу: нечего было обелять предательскую и продажную деятельность генерала Власова. Муриков и его боевая подружка Лестева и оные с ними поныне воют, что Орлов якобы написал донос по этому вопиющему случаю, но какой это донос? Человек просто выполнил свой гражданский и патриотический долг, обличил пособников отъявленного изменника Родины, за что Борису — большое уважение!

Нет, этот подонок Власов бросил погибать под Ленинградом тысячи наших ребят, молодых солдат, сам сдался в плен, а его якобы надо понять и реабилитировать. Какая мерзость.

Таким решительным поступком Орлов очередной раз подтвердил, что некогда написанные им громкие строчки «Я – офицер, нарушивший присягу...» являются не больше, чем тропом или метафорой. А что ему тогда, в девяностые года, надо было захватить в Кронштадте подлодку или крейсер, и воевать с ельцинскими войсками? Все так хотят крови, а некоторые псевдоправославные даже больше, чем язычники.

Борис Александрович и теперь, находясь в отставке, храбро воюет за интересы России на председательском, а не на предательском посту. И работает, надо сказать, хорошо. Всем

по флажку и по печенюшке-книжке дадено. Кому еще председатель не помог «комитетскую книгу» издать? И ведь всю работу берет на себя, и весь огонь на себя вызывает. И вот теми жутковатыми строчками «про нарушение присяги» он взял тогда всю ответственность на себя, выводя многих других из области критики и народной ругани. Можно сказать, табличку на грудь повесил, крест такой «офицерский» надел, мол, стреляйте, расправляйтесь. И ведь немало до сих пор находится желающих поерничать, позубоскалить по этому поводу.

Но Орлов — человек крепкий и живучий. Более того, он продлил многим поэтам жизни и добавил сил. От него же получили энергию для своего дальнейшего продвижения некоторые литературные течения. Повторяю, широкая у него душа, разнообразны его вкусы и взгляды. Он может и битлов-жуков послушать. Поэтому я спокойненько и упомянул в этой статье мультик «Желтая субмарина» и промурлыкал по ходу повествования парочку мелодий из репертуара ливерпульской портовой «четверки». И при этом никогда не забываю про славные подвиги наших подводников. Тут все просто: через души и память представителей моего поколения, родившихся в 50-е годы, прошли события двух веков, двух тысячелетий, двух эпох, социалистической и капиталистической, оставивших свои следы во всех сферах деятельности. Вспоминаю название книги Н. Коняева «Земля, которая помнит всё!». Да, мы помним всё: и Гагарина, и «цепелинов», Рубцова и Стрельцова, БАМ и Илью Глазунова, ребят, погибших в Чечне... Но главное, мы пронесли Любовь и Знамя нашей верности к родной Отчизне! И все стихи Бориса Орлова по сути о России:

* * *

А Родина? Родина манит...

Но ей не поможет елей.

Бурьян, как Махно, партизанит,

Врываясь в деревни с полей

Ворюги поделят налоги —

Им скатертью будут дороги.

Спят русские беженцы в стоге:

С Кавказа вернулись — домой!

Страну за иудины гранты
В тюрьму превратили мутанты,
Летят журавли-эмигранты
Туда, где теплее зимой

А родина? Родина манит...

* * *

Щелкнула щеколда. И калитка
Скрипнула. И ожили сады.
Солнце, словно красная улитка,
Тихо выползает из воды.

Изменились жизнь и панорама,
Не видны приметы детских лет.
Губы шепчут: «Мама... Где ты, мама?».
Кладбище. Могила. Русский крест.

Без Родины мы никто. Безродные людишки... И вот к таким пронзительным, талантливым стихам имеют наглость придирааться всевозможные либералы да записные интеллектуалы. У них просто ладони чешутся, чтобы схватить Орлова за горло, за крыла. Потому и говорю: «Эй, ребята, что-то я не вижу обнаруженные вами слабые стихи, в которых якобы имеются недопустимые провалы. Ах, это когда «солнце выползает, словно красная улитка»? Ну, какой провал, если подъем, восход солнца. Просто Борис видит так. А если не нравится «улитка», мысленно замените на «плитку» (шоколада), чтобы по-детски засластиться, а то уже надоели ваши кислые рожи. А так в представленных стихах все расписано гармонично, эмоционально, внятно.

Тут же я представил, что спор об орловских стихах веду с призраком-соперником, который сидит по другую сторону стола и вовсе не со скоростью улитки отодвигает в мою сторону лист с этим стихотворением. Он — мне, я — ему, и так несколько раз. Кажется, что еще немножко, и этот упертый парень швырнет лист мне в лицо. Но я ему тогда садану по мордухану увесистой орловской книгой. Попробовал бы он так повыделываться перед самим Орловым. Сожрал бы живьем эту улитку и еще попросил бы.

Бывают, конечно, у Бориса нестыковки, и не всегда вписываются метафоры в общее пространство стихотворений, но такова у поэта система написания. Я, возможно, ошибаюсь на несколько процентов, но думаю, что Орлов (пока что не будем затрагивать тематическую и духовную стороны творчества) работает по жесткому, почти армейско-флотскому принципу, поскольку времени в наличии очень мало — «Образ превыше всего!». Образы — это фирменно-именные знаки, одна из формул творчества, лицо (образное, но не безобразное). Как-то один из недругов заговорил о якобы обнаруженных им «понтах» в орловских стихах. Так вот никаких понтов я не обнаружил, наоборот, поэт иногда специально снижает накал произведения, так как у него хорошо развито чувство меры, и он не дает себе соблазниться желанием выдать что-нибудь покруче, похлеще, и не сбивается на эпатирование. Он дорожит званием Русского поэта и создает серьезные стихотворные произведения, наполненные неподдельным драматизмом и трагизмом.

Какие, ребятки, понты, если в поэзии Бориса Орлова присутствует... живой Бог! Но не забрался ли бог в них, как бомж, чтобы перекантоваться на пару дней, а потом откатиться за кант, за обрез образного стиха? Нет, бомж как таковой может проникнуть в воинскую казарму, залезть под шконку, возле которой стоят поношенные сапоги и портянки, вонючие, как он сам, а еще легче устроиться ему на ПМЖ в опустевшие в перестроечную пору кронштадтские матросские казармы, двери и окна которых, как я сам видел пару лет назад, открыты ветрам, дождям, снегам...

Действительно, Борис Орлов — это, пожалуй, единственный поэт, в произведениях которого я реально ощутил присутствие Бога. И дело даже не в несколько излишнем декларировании православной тематики и не в названии стихотворных циклов и книг, например, «Диалог с Творцом», а в том, что Бог у него — везде, даже в крынке молока вместе с лягушками, чтобы подольше сохранить целебный и питательный напиток. Божественное, как молоко — конечно, в сокрытом виде — у него разлито повсюду, а под добрый православный диктат и уважительный такт попадают буквально все живые и неодушевленные объекты и субъекты земного и воздушного миров...

И ведь этот божественный факт при разборе и рецензировании стихов Б. Орлова почти не учитывается, на первый план, как само собой разумеющееся выходят, выплывают военноморская тематика, социум и быт, материализм как таковой. Пора уже давно отойти от набивших истому клише, которыми клеймят даже позднюю поэзию Бориса, пора что-то понимающим в жизни людям осознать, что Орлов уже давно изменился, раздался «вглубь и ввысь», то есть при прежнем присутствии в пространстве отдельного стиха или

целой книги того же количества людей, проблем, предметов и, скажем, населенных пунктов, он всему ранее схематически изображенному сумел придать одухотворенность, более высокое предназначение.

Главное в творчестве Бориса Орлова все же не образы, а Любовь к Родине, к ее людям, к ее природе. Так его воспитали!

Кроны колышутся роем.
Дремлем. Цветы в изголовье.
Родина пахнет Любовью,
Счастьем, блаженством, покоем.

Поэт искренен, добр и правдив предельно. У него и в жизни почти всегда (а всегда не может быть) получается быть таким. Конечно, иногда случаются срывы, иногда вылетают резкие слова с последующим мстительным навешиванием на председателя ярлыков и незаслуженных прозваний. Врагов и недоброжелателей — в избытке. Как-то один из оскорбившихся неприятелей язвительно прочел выдержку из орловского стиха:

Когда у власти паханы и воры,
Твоя страна похожа на Гулаг.

и обозвал Бориса, который отсутствовал, «литературным паханом». Ну гад, гиперболик, русофобик... Бывает, конечно, когда Орлов повышает голос и отчитает, но на то он и Председатель. Не надо демонизировать этого большого поэта и большого руководителя. Ведь Борис ради нас все время в делах, в бегах, того гляди, сгорит на работе. Он всегда на посту, на капитанском мостике.

Пора вспомнить — для закругления — начало статьи, где пересказывается видение внушительного бумажного корабля, сделанного из «Морской газеты» огромного формата. Такой корабль, ясно, что потонет, основательно намокнет и уйдет на дно, где будет пребывать какое-то время в виде гигантской клейкой медузы. Сразу вспомнился русофобский канал «Медуза». Возник визуальный образ: «глубинный мед.узел», в котором излечивают от таких высоких болезней как патриотизм, честность... Можно, конечно, даже надо в таком случае сжечь корабль, чтобы поверхность залива около Ломоносова-Ораниенбаума, но далеко от Кронштадта, покрылась пеплом и золой, и можно было бы сажать картошку, как неоднократно планировали при обсуждении темы продовольствия я и мой друган-приятель, местный корифей Николай Шадрунов.

Неоднократно я добирался из Ломоноса в Кронштадт и обратно на выдавшем виды пассажирско-транспортном пароме. И однажды мне, стоящему у борта, пригрелся идущий по волнам Борис Орлов. Да, казалось, что он передвигается именно по волнам, проваливается в них по колени, выбирается, оказывается на гребне, снова проваливается... Он был похож на идущего по воде русского Христа!.. А что, а кто помог мне, когда у меня обнаружили онкологическое заболевание, удалили правое легкое? Да Борис Орлов в первую очередь и помог, когда выбил для меня госстипендию и субсидию на издание моих книг. Действительно, это была помощь как от Бога!..

Лет семь назад, когда я был здоровым, ездил в Ярославскую область, был на Волге, не так уж и далеко от родного села Бориса, стоял на берегу Рыбинского водохранилища, под водой которого находится городок Молога — Русская Атлантида. Поэт о ней пишет так:

Сергею Хомутову

На отмелях — камни и бревна,
Осколки цветного стекла
Вода поднимается ровно,
Как жизнь, что когда-то текла.

Затоплены храм и берлога...
И школа, чем память жила...
Под воду ушла не Молога,
Под воду Россия ушла.

Впечатления о том путешествии по Верхней Волге я отразил в нескольких главках своей художественной повести «Затопление». Там из оккультных глубин водохранилища выходит Русский атлант, великан-подводник Борис Орлов!

Но это всего лишь видение, метафора. На самом деле никто не ходит по воде, не появляется из глубин с героической миссией, никто не накормит страну и наших поэтов несколькими рыбинками из Рыбинского водохранилищ или из Финского залива... Там же я видел, но меня отогнали полупьяные верзилы, как за городом в большой воде топили маленьких, только что родившихся котят, запихав их в измызганный холщевый мешок. У Бориса Орлова есть стих, написанный по такому же поводу, но имеющий расширенный смысловой характер:

Слепнут и глохнут окрестности
В лужах державного дня...
Словно котят, в неизвестности
Топит поэтов страна...

Ох, и непростые же стоят времена. О них уже много написано, как никак гласность, но на этом дело не замрет, и далее будут вспоминать и анализировать. Очень важно, чтобы наш Борис Орлов, появляясь на волнах-страницах, не утонул в них, не пропал, не потерялся, а успешно продвигался по ним, был всегда на виду, как образец для следующих поколений, поскольку он заслужил наше общее признание и сердечные благодарности самоотверженным трудом, постоянной заботой о нас и своим замечательным творчеством.

Автор: Владимир Меньшиков.